

Ахат Мушинский

Не говорят о вере всеу

121

Первое яркое воспоминание о нём: сидим в кафе «Ёлочка» напротив Дома печати на улице Баумана, пьём вино, неспешно разговариваем. Он признанный мэтр, я – новоиспечённый литконсультант Союза писателей. За окном бабье лето, люди, почти по-летнему легко одетые, прогуливаются по Броду – так называли мы эту центральную улицу с подростковых времён, то ли от «бродить», «гулять», то ли от Бродвея...

За многие годы о чём только мы с ним не переговорили. Не говорили мы с ним разве что, как ни странно, о поэзии, вообще о литературе – всё вокруг да около, не считая, конечно, различных семинаров в СП, «круглых столов», обсуждений на заседаниях русской секции рукописей для издания или кандидатов для рекомендации в члены СП. Почему? Не знаю. Наверное, для него и для меня литература была своеобразной религией. А о своей вере, как известно, нормальные люди не трубят. Это что-то интимное... Но скорей всего в силу каких-то обстоятельств такое сложилось только между нами, потому как я знаю немало литераторов, с которыми он на нашу «запретную» тему размышлял вслух, что называется, на полную катушку. Большею частью это были молодые поэты и прозаики, нуждавшиеся в поддержке мэтра, в его профессиональных советах. Даже в командировках, где на длительное время ока-

зывались с ним один на один, мы умудрялись рассуждать о чём угодно, только не о литературе.

О литературе мы с ним основательно поговорили, пожалуй, лишь один раз – во время съёмок телепрограммы «У зелёного камина», которую на республиканском телевидении я вёл десять лет. Жанр программы предполагал беседу на профессиональную тему героя передачи, и тут уж деваться было некуда.

Записывали мы её у него на даче. Крапива, лопухи по пояс, звонко тукают оземь яблоки... Красиво, романтично, и разговор получился содержательный, добрый. Правда, ещё раз капитально (любимое слово моего армейского старшины) о литературе, конкретно – о поэзии, поговорили в гостях у Юры Макарова, нашего общего друга и долгое время непризнанного поэта. Припозднились мы там у него, и наш разговор с мэтром, вернее, злословие получилось далеко не радужным. Мы чуть не подрались с ним, уж было завозились... Но более подробно об этом я описал в своём романе «Записки горбатого человека», не буду повторяться.

Однажды прихожу на работу в Союз писателей, а на безымянном пальце моём золотой перстень-печатка. Он говорит: «Что это ты как цыганский барон ходишь?!». Я отвечаю: «Отец перед смертью подарил. А как умер, решил

сорок дней поносить его подарок». Украшения на руках носить в нашей среде как-то не принято, часы лишь, если их можно считать украшением. А тут я нарушил негласный этикет. И тут же словил замечание со стороны старшего товарища.

Узнав причину моего «выпендрёжа», он пристыл, задумался. Наверное, своего отца вспомнил, по которому тосковал всю жизнь.

Наши отцы приятельствовали до войны. Адель Кутуй, стало быть, отец Рустема Кутуя, подарил моему отцу блокнот с образцами различных почерков и толкованиями к ним. В детстве уникальную вещь эту я видел, а потом, возможно, из-за неоднократных переездов она навсегда исчезла из поля моего зрения. Что интересно, первая квартира моя, вернее, квартира, в которую меня новорождённого принесли, была на улице Комлева (ныне – Муштари), по соседству с домом купца Оконишникова, где в мою бытность находилась детская клиника Е. Лепского и где мне ребёнком привелось полежать, а позже поработать – в аппарате Союза писателей и в редакции журнала «Идель». Но для данной статьи важно другое. Получается, что я родился на одной улице с Рустемом Кутуем, а также с другом детства его – Василием Аксёновым.

С Василием Павловичем я познакомился в 2000 году на Всемирном конгрессе писателей в Москве. Потом он с самого первого номера стал членом редсовета «Казанского альманаха». И что интересно, при каждом удобном случае патриарх современной русской литературы расспрашивал о верном «кореше» туманной юности и передавал ему приветы.

В первом номере «Казанского альманаха» мы напечатали рассказ Аксёнова о далёком казанском детстве. В списке-посвещении значится и имя Рустема Кутуя. За этим рассказом вслед мы подверстали подборку стихов Рустема. Так что соседи по далёкой казанской жизни оказались соседями и в «Казанском альманахе».

Так вот, сидим мы в «Ёлочке», потягиваем вино. И он говорит мне:

– Наши матери ходят друг к дружке в гости.

– Знаю, – ответил я.

– И твоя, – продолжил он, – попросила, чтобы моя переговорила со мной насчёт тебя.

– О чём? – удивился я.

– Чтобы, значит, я позаботился о тебе.

– В каком плане? Не понимаю.

– Это хорошо, что ты не понимаешь, – ответил он, и мы заговорили о другом, как всегда, интересном и по обыкновению далёком от литературы.

В последний раз я его видел приблизительно за полгода до смерти. Он позвонил мне и попросил, чтобы я принёс ему все номера «Казанского альманаха». Говорит:

– То ты пришлешь какой-нибудь номер, то принесёт кто-то экземпляр, а то унесёт какой-нибудь гость скопом сразу несколько штук... У меня всего два номера осталось.

На другой день я собрал все номера, купил торт и, предварительно позвонив, поехал к нему.

Мы сидели у него в комнате, много курили его пахучие без фильтра сигареты; его глаза слезились, они, насколько я помню, всегда у него слезились, особенно один – левый. Он поднимал свободную от сигареты руку и смахивал слабую слезу.

Те редкие люди, кто в последний год жизни писателя проникал к нему в его одинокую скромную келью с большим сводчатым окном, полным света, говорили о его чёрной депрессии. Я понимал и чувствовал это, но в последний мой приход он был разговорчив, остроумен и от него, скажу, исходила какая-то непреломляемая жизненная энергия. Он много расспрашивал, размышлял вслух, давая оценки тем или иным коллегам по писательскому цеху. Оценки эти были у него большей частью итоговые, *кто что* в конце концов по большому счёту в литературном творчестве стоит. Но не катего-

ричные, так это, добродушные, подёрнутые дымкой времени. Мне вспомнились слова о нём поэта Зиннура Мансурова: «Кутуй никогда не участвовал в подковёрной литературной возне». Действительно, он всегда был сам по себе.

Я сидел у окна, а он – напротив, в потёртом креслице, и, ведя беседу, смотрел то на меня, то в окно, в котором, как ни в чём не бывало, продолжалась неугомонная жизнь. И тогда, при какой-то краткой паузе в разговоре, он как бы невзначай проронил:

– Если бы я начал жизнь сначала, то вообще б не пил.

Нет, это было не невзначай сказано. Это было выстраданное признание – прежде всего самому себе.

Мы листали альманах. Особенно по душе ему пришлась публикация его «Сюрреалистических этюдов», которые он считал потерянными. В своё время он посвятил их казанским художникам Анвару Сайфутдинову и Альберту Галимову, коим и подарил безвозвратно. В архивах одного из них стихи мэтра сохранились, и тот принёс их для публикации. Мы дали их в 6-м номере аль-

манаха. Прекрасную иллюстрацию к этюдам сделал его друг Анвар.

Да, Рустем Кутуй и сам был членом редсовета «Казанского альманаха», но, если по-честному, номинально, конечно. Он давно уже болел, кое-как передвигался и участвовать в формировании номеров не мог.

Он листал номер за номером и время от времени произносил:

– Это я читал, хорошая вещь... Это я видел... А это что? Любопытно!..

Общей оценки не дал. Только, когда я уже одевался, сказал, выйдя провожать меня и придерживаясь за косяк двери:

– Каждый номер заноси ко мне, если не трудно, пусть у меня на полке стоит полное собрание...

Такая вот была похвала в его скупых устах. Не ожидал.

Но пополнить его собрание я не смог. Были затяжные новогодние каникулы 2010 года, когда вольнолюбивая душа поэта освобождалась от бременного тела. Я был в другом городе и, кстати, работал над одним из материалов очередного номера альманаха, который нашему мэтру уже не суждено было увидеть...

